

Н. Г. РЯБКОВ

Шадринский пединститут

ИЗ ИСТОРИИ ОРОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЯ

На материале памятников письменности Курганской области XVII—XVIII вв. исследуется тематическая группа существительных, обозначающих лесные и безлесные уголья, и мотивационные связи указанной лексики.

В орографической лексике четко выделяются, с одной стороны, наименования положительного и отрицательного рельефа, с другой — наименования географических объектов, отличающихся особенностями ландшафта и флоры. Члены этого тематического объединения называют лесные и безлесные уголья, низинные, но относительно ровные места. Такие наименования в южно-зауральских памятниках (ЮЗП) деловой письменности XVII—XVIII вв. (ШФГАКО *) составляют тематическую группу из 74 единиц в 1930 употреблении.

Целью нашей работы, помимо выявления этой лексики в письменных источниках, является изучение ее семантического содержания и территориального распространения.

Наименования лесных угодий большей частью мотивированы. В структурном отношении они либо представляют собой субстантивные сочетания со стержневыми компонентами 'место', 'колок', 'лес', 'роща', либо однословные образования посредством суффиксов *-ник*, *-няк*, именующие лесные уголья по роду произрастающих деревьев. Поэтому слова *березник*, *ветельник*, *кустовник*, *осинник*, *ельник*, *сосняк*, *таваложник*, *тальник*, *топольник*, *черемошник* не нуждаются в дополнительном анализе: «...отъ озера Атяшу внизъ по речке Атяшке до глубокой ямы а оттоль прямо в гору по густому *березнику* до монастырской межи...» (ШФГАКО, г. 1798, ед. хр. 1172, л. 5); «...третья [рыбная ловля] от *ветелника* до бѣлого яру при которомъ мнстрской дворец состоитъ «(Там же, г. 1766, ед. хр. 796, л. 28); «отъ того столба и ямъ чрезъ таловыя колки и *кустовникъ* отошедь сто сажень... поставленъ столбъ» (Там же, г. 1756, ед. хр. 532, л. 3); «...отъ того яру на Течу рѣку прямо на большіе *сосняги*...» (Там же, г. 1659, ед. хр. 26, л. 194); «...от сенной рубки противъ *таваложника*... бревень до 30» (Там же, г. 1771, ед. хр. 867, л. 35); «...оттоль едучи в болшей наволокъ в высокой *топольникъ* за Фокиной курьей Николаевского села крестьяниномъ Дмитреемъ Серковымъ ссечена одна тополь ис коей зделаны корыта» (ШФГАКО, г. 1774, ед. хр. 909, л. 16) и др.

* В данной статье все примеры из фонда Далматова монастыря, оп. 1.

Устойчивые адекватные сочетания со стержневым компонентом 'лес' дублируют те же понятия — род деревьев: *березовой лес* = березник; *ветловой лес* = ветельник и т. д.: *сосновой лес, таловой лес, топольной лес*. Например: «...изъ состоящаго близости къ Далматову *сосноваго лесу* деревъ до четыредесяти...» (ЦГАДА, г. 1773, ф. 614, оп. 1, ед. хр. 592, л. 1 об.); «...в самомъ томъ хмелевомъ щипанье имеецца *топольной ветловой и осокаринной толстой лесъ...*» (ШФГАКО, г. 1774, ед. хр. 909, л. 5).

Для обозначения хвойного леса, кроме перечисленных (*сосняг, сосновой лес, ельник*), в ЮЗП употребительно слово *бор*, для обозначения лиственных лесов — слова *дуброва, роца* и соответствующие им описательные конструкции — *боровой лес, дубровой лес*: «...проедучи Шадринскую слободу *в бору* на дороге набхали на нее неведомо какие люди и ограбили ее...» (ПОКМ, г. 1683, № 11101—18—43); «...на усть рѣчки Боровлянки в мнстрской вотчинѣ Шутихинския деревни житель Никита Устиновъ *в дубровѣ* анбаръ березовой срубиль и возить к себѣ в деревню» (ШФГАКО, г. 1746, ед. хр. 301, л. 15); «...они определены по выбору крестьянскому къ збережению казенныхъ состоящихъ в здешней Далматовской вотчинѣ описныхъ *боровъ березовыхъ роцей и дубровъ...*» (Там же, г. 1774, ед. хр. 909, л. 8).

Нередко для обозначения лесных участков в деловой письменности Южного Зауралья применялись терминологические сочетания со стержневым компонентом 'место': *боровое место, дубровное место, лесное место*. Встретилось одно сочетание, именуемое угодьё по роду произрастающих деревьев, — *вишневое место*. По-видимому, оно выделено по своей определенной значимости в монастырском хозяйстве: «...для довольства монашествующихъ растущие полевые *вишневые места* близъ упоминаемого Пашенного поселья да при деревне Верхноярской Устеченской и Притыченской...» (ШФГАКО, г. 1748, ед. хр. 26, л. 90).

Заповедный лес в Южном Зауралье, по данным изучаемых памятников, назывался *засекой*: «...едучи *в засеку* срублено 20 осинъ кои и увезены в дома» (ШФГАКО, г. 1774, ед. хр. 909, л. 17); «...посредь *засеки* къ глубокому истоку в мысу на осиновою веретье срублено 27 осинъ» (Там же); «...с приезде *в засеку* Верхноярской деревни Ивана Лошкина сынъ Титъ срубиль одну ветлу при коей рубке Чернавинъ ево и засталъ» (Там же). С этим же значением слово *засека* отмечается историческими словарями русского языка¹ и функционирует в современной народной географической терминологии².

Для обозначения лесного острова среди степи в южно-зауральских межевых документах широко используется слово *колок*, известное языку многих памятников русской письменности XVII—XVIII вв. и большинству современных русских говоров: «...и отъ той березы по дубровѣ прямо на *осиновой колокъ* а в

томъ *колке* на осине грань...» (ШФГАКО, г. 1709, ед. хр. 24, л. 3); «...а з болота отъ сиверные стороны по чернымъ *колкамъ* и по большему логу до техъ же старыхъ крестьянскихъ пахотныхъ земель...» (ПОКМ, г. 1671, № 11101—7—13); «... а отъ тое вилватые березы на болшей осиновой *колокѣ* а подлѣ *колка* граненая береза...» (ШФГАКО, г. 1682, ед. хр. 5, л. 5); «...внизъ по правую же сторону до Желъзенки рѣчки до большого *колку*» (Там же, л. 3); «сенныхъ покосовъ по реке Исети и вверхъ по речке Суварышу на усть речки Течи и межъ дубровъ и *колковъ* на двенатцать тысячъ на пять сотъ копенъ» (Там же, г. 1709, ед. хр. 24, л. 2); «...а отъ ямы черезъ ялань на таловой и осиновой *колокѣ* а подле *колки* на краю береза а на ней грань...» (Там же).

Общерусское значение слова *колок* — ‘отдельный небольшой островок’. В южно-зауральскихъ памятникахъ — ‘небольшой лесной остров среди степи’.

В XVII—XVIII вв. слого имело общерусское распространение, так как было известно и на южно-русской территории позднего заселения. Словарь русского языка XI—XVII вв. фиксирует его в воронежскихъ памятникахъ письменности XVII в. в значении ‘небольшая роща, перелесок’ 1615 г.³ С тем же значением, но с пометой вост. слово помещено в словаре В. И. Даля — ‘отдельная рощица, лесок или лесной остров; кустарник на сухом непоемном месте’⁴. В современныхъ русскихъ народныхъ говорахъ слово сужаетъ свой ареал. Словарь русскихъ народныхъ говоровъ относит его к севернымъ говорамъ и говорамъ Сибири⁵. Э. М. Мурзаев и В. Г. Мурзаева ограничивают ареал распространения слова Западной Сибирью, Ураломъ и Приуральем⁶.

М. Фасмер определяет его как восточно-русское и производит от *кол*⁷. Мы придерживаемся этимологии, высказанной В. Ф. Житниковымъ, объясняющимъ слово как наименование по форме от *коло* — ‘колесо, кружок, круглый островок’⁸.

Для обозначения безлесныхъ пространствъ в памятникахъ деловой письменности Южного Зауралья широко используются слова: *елань* (*ялань*), *луг*, *степь*. Слова *луг* и *степь* имеют в исследуемыхъ текстахъ общерусское значение: «...служителю Орлову приказать за толоку *луговъ* в мирскую кантору заплатить» (ШФГАКО, г. 1779, ед. хр. 1005, л. 16); «...а выше слободы вверхъ по Исѣте реке все боры пошли пустоши и болота большие а за Исѣтью рекою прилегли *степи* большие трава ростеть мала...» (ПОКМ г. 1662, № 11101—1—2). Слово *степь* в исследуемыхъ документахъ отмечается и в значении ‘пастбище’: «...въ прошломъ 1728 гсду въ сентябре мсце покрали у него воры со *степи* мерина на гнеде пѣгова лѣтами сросла пятна на обихъ ухахъ» (ШФГАКО, г. 1730, ед. хр. 147, л. 34); «...угнали у насъ нижайшихъ со *степи* невѣдомые воры собственного рогатого скота нашего...» (Там же, г. 1749, ед. хр. 370, л. 34). Интересно, что в том же значении ‘пастбище’ В. И. Даль отме-

чает встретившееся в наших контекстах слово *толока*⁹. В наших материалах это отглагольное существительное не имеет пространственного значения, обозначая результат действия. Для слов *луг* и *степь* памятники южно-уральской письменности отмечают тождественные им по значению терминологические сочетания со стержневым компонентом 'место'.

Слово *елань* (*ялань*) в изучаемых текстах имеет значение 'ровное безлесное место, небольшое по размерам': «...а отъ Кояшу черезъ большое болото на погорильскую *елань* а отъ погорельские *елани* по логу вверхъ до четырехъ березь...» (ПОКМ, г. 1671, № 11101—7—13); «...черезъ боръ на *елань* а съ *елани* на большей боръ а подле боръ ввѣрхъ по Исыти до большево логу...» (Там же, № док. 15); «...а отъ граненые березы по *елани* на густые колки и по дуброве на граненую березу...» (ШФГАКО, г. 1682, ед. хр. 5, л. 4); «...от тое граненой березы на чистую *елань* а на той *елань* выкопана яма а в ней уголье...» (Там же, г. 1714, ед. хр. 34, л. 6).

В национальный период истории русского языка слово получило широкое распространение в говорах. Оно всеми словарями квалифицируется как областное. В. И. Даль отмечает его как моск., ряз., тамб., а также сиб.

Древнее заимствование из тюркских языков (башк. *алан*, алт. *аланг*) — *равнина*¹⁰, датируемое историческими словарями русского языка XI—XVII вв. — 'луговая и полевая равнина, обширная прогалина в лесу'¹¹. В ЮЗП отмечается с 1671 г., причем частотность его употребления в рассматриваемых памятниках очень высока.

В современных диалектных словарях слово имеет сложную семантическую структуру. Основное его значение — 'луговая и полевая равнина'. Ареалы распространения слова *елань* — центральные, северные и восточные области европейской части РСФСР, Сибирь вплоть до Забайкалья¹².

По причине широкого распространения в русских говорах мы считаем данное слово общерусским. В современных уральских говорах *елань* — 'открытое безлесое заболоченное место'¹³.

В данную группу лексики входят слова *кулига* и *опушка*, служащие для наименования частей угодий. *Кулига* имеет значение 'участок чего-либо: леса, пашни и т. п.': «...выше оной курьи в Мерзляковской *кулиге* ссечена одна ветла ис коей зделано лотка и два корыта» (ШФГАКО, г. 1774, ед. хр. 909, л. 16). Слово многозначное, его устаревшее значение 'расчищенная лесная поляна'. В Словаре русского языка XI—XVII вв. отмечается несколько его значений: '1. Участок земли на берегу реки (в излуине, по плесу), используемый как сенокосное угодье; росчисть, полянка, пожня в лесу. 1519 г.; 2. Излучина, крутой изгиб реки, имеющий заводи, мелководные пересыхающие места. 1652 г.'¹⁴. Г. Е. Кочин приводит самое общее значение слова — 'угодье'¹⁵.

В изучаемый период слово было обычным и для южно-русской территории, и для Урала: *кулига* — 'участок леса'¹⁶; 'поляна в лесу', 'небольшое поле'¹⁷. Генетически восходя к северно-русской лексической системе, слово расширило свой ареал.

Слово сохраняет свою многозначность и относительную метрولوجичность в XIX в.¹⁸ и в современных русских говорах, в том числе уральских. Значение его, установленное по данным южно-зауральских памятников деловой письменности, отражается в лексической системе современных зауральских говоров, где слово, в зависимости от величины обозначаемого объекта, бывает в формах *кулига* или *кулижка*.

О широкой употребительности слова в говорах Среднего Урала, о конкретизации его общего значения в зависимости от внеязыковой действительности, о связи значений слова в отдельных уральских говорах на основе его общего значения — 'угодье' — свидетельствуют материалы Словаря русских говоров Среднего Урала: 'поляна' сев., кушв., лыс., н.-таг., н.-тур.; 'место, на котором много грибов, ягод, цветов' а с б., и р б., кур г., сер ов., т ю м.; 'покос в лесу' а л а п., а л е к с., в е р х о т.; 'поляна, расчищенная для посевов' а л а п.; 'участок пахотной земли или покоса при усадьбе' в.-с ал д., и в д., к а м ы ш л.; 'небольшое поле' в е р х о т., в.-с ал д., г а л к., к а м ы ш л., р е ж.; 'небольшой участок недожатого хлебного поля, нескошенной травы' ц е н т р., с.-в о с т., в о с т., в е р х о т., к а т.; 'небольшой лесок' в е р х о т.¹⁹

Этимология слова не нашла однозначного решения. О. В. Востриков, вслед за Я. Калимой, считает его ранним заимствованием из прибалтийско-финских языков²⁰, однако в словаре этимологизируемое слово подается как омоним к *кулига* — 'угодье, участок чего-либо'²¹.

Словом *опушка* обозначается оконечность леса, пространство, пограничное между лесом и безлесой местностью: «...луговъ нѣтъ сѣно косятъ частию около займищъ и частию по *опушкам* лѣса» (ГАЧО, алф.-стат. список Челябин. уезда, л. 148).

Среди именованый низких мест следует отметить слова *займище*, *мокроты*, *согра* и сочетания *болотовое место*, *болотное место*, *болотистое место*, *водопоемное место*, *мокротное место*, *солонцовое место*, *солонечное место* и др.

Займище — 'сырое, заболоченное место, где по весне скапливаются талые воды': «Потомъ чрезъ онои [падун] и отъ него редкимъ березникомъ и между колки яланью до камышева большого *займища* пять сотъ сажень потом же чрезъ оное *займище*...» (ШФГАКО, г. 1756, ед. хр. 532, л. 11); «...мимо мокротная *займища*...» (Там же, л. 19); «...а в правой стороне за березовымъ колкомъ *займищо* камышевое» (Там же); «...отъ березы и ямъ чрезъ камышное мокрое *займище* до матерой кудрявой березы...» (Там же, л. 22); «...отъ березы и ямъ чрезъ мокрое камышевое *займишо* и дубровнымъ местомъ до мате-

рыхъ жаровыхъ с одного кореню дву берез...» (Там же, л. 22 об.).

В изучаемый период слово известно памятникам и севернорусской, и южно-русской письменности: «...сенокосное угодье на пойменном заливном берегу»²², «низина, широкая луговая пойма»²³. Со значением «место, заливаемое во время весеннего половодья» слово входило в состав русского литературного языка последней трети XVIII в.²⁴ Значение это зафиксировано в Словаре академии Российской²⁵, но, как полагает Г. П. Князькова, это лишь одно из значений слова, на самом деле его семантический объем был гораздо шире — «пространство, место на земле, занятое чем-либо», а значение, указанное выше, было лишь одной из конкретизаций общей идеи²⁶.

В. И. Даль считал это слово общеупотребительным. В русском языке XIX века оно выступало в качестве синонима слова *пойма*: *займище* — «урема, поем, пойма, вся полоса до вторых берегов реки»²⁷.

В южно-зауральских памятниках слово представлено с общерусским значением «сырое, заболоченное, часто поросшее камышом место». Словари XIX в. уже указывают на локальную ограниченность слова: 1) «низменное место, покрываемое водою во время весенних разливов» астрах., дон., оренб., челяб., тамб.; 2) «болото, трясина» сибир., с.-в.; 3) «болото, поросшее тростником и лесом» оренб., челяб., тамб.; 4) «лес около реки» сибир.²⁸

Словари древнерусского и старорусского языка фиксируют значение «место, занятое под распашку», квалифицируемое уже в XIX в. как старое, кроме сибир., в Словаре русского языка XI—XVII вв.²⁹ Старое значение слова отмечается и Г. И. Куликовским³⁰. Не случайно поэтому в некоторых современных уральских говорах слово совпадает в значении со словом *заимка*³¹. На их связь указывает М. Фасмер³². Определяющим в данном случае, по всей вероятности, является сохранение словом в уральских говорах старого, древнерусского, значения.

Э. М. Мурзаев, В. Г. Мурзаева, кроме значений, приводимых в Опыте областного великорусского словаря, как уральское и приуральское отмечают следующее: *займища камышовые* — «степные озера, сплошь прорастающие тростником и камышом»³³.

Этимологически слово восходит к древнерусскому глаголу *занимати*.

Красноречивы примеры использования в памятниках и других членов данного тематического объединения: *мокроты* — «сырые низкие места»: «...болотныхъ и кочешныхъ колочныхъ *мокротъ*... и всякого негодного мѣста по смѣте на пять сотъ десятинь...» (ШФГАКО, г. 1682, ед. хр. 5, л. 5); *согра* — «низкое сырое, заросшее мелколесьем место»: «...отъ болота *согрою* 225 сажень отъ *согры* лесомъ колками и сенокосными местами

до лисьихъ норъ» (ЦГАДА, г. 1766, ф. 614, оп. 1, ед. хр. 721, л. 130об.); *водопоемное место* — 'низменное место в пойме реки, заливаемое в весеннее время': «...а бывшие за ними без оброку хмелевое щипанье на десяти верстахъ в скотскихъ выпускахъ и *водопоемныхъ местахъ* отныне владеть...» (ШФГАКО, г. 1774, ед. хр. 909, л. 19); *солонечное место* — 'почва, содержащая в себе значительные запасы соли': «отъ трехъ березъ и ямъ редкимъ березникомъ потомъ чистымъ *местомъ* и *солонечнымъ* до падуна Камышнаго двести сажень» (Там же, г. 1756, ед. хр. 532, л. 11).

В состав анализируемой группы лексики мы включаем также слова *заречье* и *материк*. Первое обозначает в изучаемых текстах местность, лежащую за рекой: «...и куда они по *зарьчю* бѣжали про то они Черных и Согрин не знают» (ШФГАКО, г. 1748, ед. хр. 351, л. 14); «...а отъ Атяша озера до Исети реки до устья речки Олховки и до *заричья* речки Крутихи двенадцать версть...» (Там же, г. 1757, ед. хр. 545, л. 16 об.). Второе служит для обозначения возвышенного сухого места в противоположность низине: «...внизъ по речке Олховке чрезъ оное болото до материка и до березовыхъ колковъ восемь сотъ сажень» (Там же, г. 1756, ед. хр. 532, л. 12).

В том же значении в деловой письменности Южного Зауралья XVII—XVIII вв. употребительным было сочетание *крепкое место*, не имевшее однословного однокорневого эквивалента: «А скоцкие выпуски подле острогъ в *крѣпкихъ мѣстехъ*» (ШФГАКО, г. 1674, ед. хр. 3223, л. 2). В близком значении 'непаханая земля' сочетание отмечено в воронежских говорах³⁴. Картотека ДРС содержит подобное сочетание в значении 'укрепленное место'.

ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Челябинской области (ГАЧО).
Пермский областной краеведческий музей (ПОКМ).
Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА).
Шадринский филиал государственного архива Курганской области (ШФГАКО).
Южно-зауральские памятники деловой письменности (ЮЗП).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Словарь русского языка XI—XVII всков: В 10 т. М., 1975—1983. Т. 5. С. 294.
- ² Мурзаев Э. М., Мурзаева В. Г. Словарь местных географических терминов. М., 1959. С. 87.
- ³ Словарь русского языка XI—XVII веков. Т. 7. С. 248.
- ⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 140.
- ⁵ Словарь русских народных говоров: Вып. 1—19. Л., 1965—1983. Вып. 14. С. 162—163.
- ⁶ Мурзаев Э. М., Мурзаева В. Г. Указ. соч. С. 113.
- ⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964—1973. Т. 2. С. 294.

⁸ Житников В. Ф. О происхождении некоторых слов в северно-русских говорах (этимологические заметки) // Вопросы истории и диалектологии русского языка. Свердловск, 1963. С. 42.

⁹ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 285.

¹⁰ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. СПб., 1907. Т. 1. С. 213.

¹¹ Словарь русского языка XI—XVII веков. Т. 5. С. 44.

¹² Словарь русских народных говоров. Вып. 8. С. 336—337; Мурзаев Э. М., Мурзаева В. Г. Указ. соч. С. 77.

¹³ Словарь русских говоров Среднего Урала: Т. 4—5. Свердловск, 1964—1984. Т. 1. С. 151—152.

¹⁴ Словарь русского языка XI—XVII веков. Т. 8. С. 114.

¹⁵ Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 164.

¹⁶ Дьякова В. И. Географическая терминология Воронежской области: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1973. С. 51.

¹⁷ Полякова Е. Н. От «араны» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988. С. 98.

¹⁸ Даль В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 216; Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 78, 102.

¹⁹ Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 2. С. 73.

²⁰ Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 8—9.

²¹ Словарь русского языка XI—XVII веков. Т. 8. С. 114.

²² См.: Полякова Е. Н. Указ. соч. С. 80.

²³ См.: Дьякова В. И. Указ. соч. С. 26.

²⁴ Князькова Г. П. К взаимоотношению словарного состава литературного языка и диалектов (пойма и займище) // Диалектная лексика — 1974. Л., 1976. С. 34.

²⁵ Словарь академии Российской по азбучному порядку расположенный: В 6 т. СПб., 1806—1822. Т. 3. С. 531.

²⁶ Князькова Г. П. Указ. соч. С. 35.

²⁷ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 581.

²⁸ Опыт областного великорусского словаря, изданный II отделением Императорской академии наук. СПб., 1852. С. 62.

²⁹ Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 581; Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 5. С. 204; Кочин Г. Е. Указ. соч. С. 119; Полякова Е. Н. Указ. соч. С. 80.

³⁰ Куликовский Г. И. Словарь областного олонцкого наречия в бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. С. 146.

³¹ Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1. С. 173.

³² Фасмер М. Указ. соч. Т. 2. С. 75.

³³ Мурзаев Э. М., Мурзаева В. Г. Указ. соч. С. 87.

³⁴ Дьякова В. И. Указ. соч. С. 57.